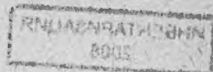
М. КОНСТАНТИНОВ

КАК МЫ ОСВОБОДИЛИСЬ

РАССКАЗ ПОЛИТКАТОРЖАНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
-И-
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

М. КОНСТАНТИНОВ

КАК МЫ ОСВОБОДИЛИСЬ

(РАССКАЗ БЫВШЕГО ПОЛИТКАТОРЖАНИНА)

(ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1928

Главлит № А 23492
Тираж 7000
Заказ № 2125

I. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НЕВОЛИ.

Вести о Февральской революции донеслись до нас лишь в самом конце марта — ровно через месяц. И правду надо сказать,—далеко им пришлось лететь. Мы жили в то время у Ледовитого океана, в самом далеком углу Якутского края. Если отмерить это расстояние, например, от Москвы, то получится больше одиннадцати тысяч верст.

Это было бы еще ничего, что далеко, — да от Якутска к нам, на пространстве более двух тысяч верст, не было ни телеграфа, ни постоянного почтового тракта. Посланный из Якутска нарочный с манифестом ехал к нам днем и ночью в течение трех недель.

Устьянск, где мы находились в ссылке, — наполовину русская, наполовина якутская деревушка. На крайнем севере она играла роль столичного центра. Здесь находилась управа с главным начальством устьянского улуса—головой и писарем, поп, псаломщик, фельдшер и учительница. Население Устьянска составляли, главным образом, торговцы, приказчики, конторщики и их семьи. К Устьянску тянулись торговые нити от всех населенных точек крайнего севера.

Летом жизнь всего севера совершенно замирала. Тундру и долины затопляло водой, и даже

высокие места становились топкими. Всякие сношения по северу на это время прекращались. Торговцы со служащими уезжали на ярмарку в Якутск. Только, когда осенние морозы сковывали тундру льдами и зима покрывала ее снежным саваном, — начиналось оживление.

Налетали, как саранча, купцы, приказчики, спиртовозы, игроки, тянулись во все стороны обозы с товарами. В Устьянске наступала шумливая жизнь. Торговали, надували тунгусов и якутов, наживали и проживали капиталы, пили, играли в карты, занимались сплетнями и развратничали. Каждый думал только о личном благополучии, о наживе, о маленьких и грубых удовольствиях.

Зимой по одному разу в месяц, а то и реже, приходила из Якутска почта. Некоторые купцы, что посолиднее, получали какую-нибудь газетку, чтобы следить за ценами. Обыватель читал газетки от безделья для того, чтобы было о чем посудачить. В ту зиму газеты приносили много интересного для обывательских разговоров, — одна история Гришки Распутина с царицей чего стоила!

Что могло быть общего между этой средой торгашей и нами, политиками, временными здесь людьми, чужими для этого мира? Надо правду сказать,—обыватель питал к нам доверие и уважение, но близости такой, какая была у политиков-ссыльных с крестьянским населением в Сибири, у нас быть не могло. Заниматься политическим воспитанием этой толстокожей торгашеской массы было бы просто смешно.

И мы жили своим особым маленьким мирком, отмежевавшись от обывателя, вступая с ним только в деловые сношения. Нас было трое. Все мы служили конторщиками или обучали грамоте

детей. Жили мы только нашими мыслями, нашими надеждами и маленькими личными страданиями, почти не обращая внимания на окружающую нас среду. В часы досуга мы шли друг к другу, обменивались мнениями по поводу прочитанных газет, слушали граммофон, мечтали о будущем.

Первую зимнюю почту мы получили около нового года. Из нее мы узнали о неудачах на фронте, о продовольственных затруднениях в стране и о скандалах в царской семье. Все говорило нам о том, что приближаются крупные события. И было тяжело ждать очередной почты. Казалось, что там, в центре, уже давно тронулся лед, народ сбросил иго царизма, и страна живет вольной жизнью; а мы, заброшенные на край света, продолжаем жить в неволе старой затхлой жизнью.

Частенько в полумраке непрерывной полярной ночи, которая тянется здесь около трех месяцев, мы уходили с товарищем из Устьянска и медленно бродили по окружающим холмам, покрытым густой порослью, или по мертвой реке Яне; спорили или мечтали вслух, пели свои родные песни, чуждые этой холодной пустыне, или восторгались красотой полярной ночи с волшебными северными сияниями.

Так проходили дни, недели и месяцы нашей последней ссылки.

II. ПЕРВЫЕ ВЕСТИ О РЕВОЛЮЦИИ.

Был конец марта.

Хотя давно уже кончилась полярная ночь, и солнце с каждым днем все выше и ярче сияло с безоблачного неба, но тундра спала еще глубоким сном.

Торгашеская жизнь Устьянска катилась обычной колеей.

Наконец, в последних числах марта вернулся из поездки купец Антипин. Дорогой он встретил нарочного казака, который рассказал ему, что в Петрограде творится что-то неладное. Министры арестованы и посажены в тюрьму. В Якутске арестованы губернатор и прокурор. Закрыты все учреждения, опечатаны магазины.

Мы догадывались, что не только в Питере или Якутске, но и во всей стране происходит что-то огромное; но что именно,—мы не могли понять из рассказа купца. Ясно было, что начался переворот. Но каких он размеров и какого характера,—мы не могли себе представить. Мы так долго были оторваны от настоящей жизни и так мало знали, что творится в России,—где уж нам делать правильные выводы из таких коротких и неясных сообщений!

Мы верили только одному выводу: на Россию надвинулись события величайшего исторического значения.

Эти новые вести, — хотя и непонятные, неясные,—внесли большое оживление и тревогу в среду обывателей. Все как-то особенно зашевелились. Каждый тянулся туда, где обсуждались прилетевшие вести, высказывались догадки и предположения. Все заняты были вопросами: что такое случилось?.. что-то будет?

А купцы и якуты-охотники, сбывавшие купцам песца и лисицу, все думали о том, не упадет ли цена на пушнину, будут ли обращаться бумажные деньги...

Люди выползли из своих конур, теснились кучками на улицах, стекались в дома, туда, где

было больше людей, где можно было еще что-нибудь узнать, понять.

Для нас это были самые тяжелые дни в нашей жизни на крайнем севере. Приходилось ожидать еще чего-то, ожидать следующей почты, которая придет через 3—4 недели. И если это ожидание было тягостным для местных обывателей, выбитых прилетевшим слухом из обычной колеи, то для нас оно становилось прямо невыносимым. Ожидать еще несколько недель и сознавать, что там, в России, повсюду, куда протянуты нити телеграфа и железных дорог, уже давно бурлит, быть-может, совершенно новая, здоровая и вольная жизнь, ради которой столько поколений революционных борцов принесло неисчислимые жертвы, —было ужасно мучительно. В сердце гнездилась жгучая тревога. Она не давала ни минуты покоя.

Мы почти перестали работать.

III. МАНИФЕСТ ПРИВЕЗЛИ.

Был, кажется, какой-то праздничный день. А, может быть, у меня сохранилось только впечатление праздничного дня. Но хорошо помню, что ни я, никто вокруг меня не работал, не бегал, не суетился. Я чувствовал себя после всего пережитого крайне расслабленным, ко всему равнодушным и в забытьи лежал на кровати.

Вдруг мое безмятежное состояние было прервано каким-то беспорядочным шумом в соседней столовой, и ко мне в комнату вбежал запыхавшийся, бледный, едва переводящий дух мой товарищ—Александр Петрович.

— Манифест привезли! — выпалил он с большим трудом.—Вставайте! Бежим в управу! Приехал

нарочный, курьер. Там уже народ сбегается... Говорят, что и царя уже нет, не только министров!

В первое мгновение все это мне показалось только шуткой, совершенно невероятным,—может быть, потому, что, это сообщение было более поразительным, чем первое. Я равнодушно и недоверчиво посмотрел на Александра Петровича, не желая менять своего положения на кровати.

— Ну, ерунда! Это уж совсем выдумка. Бросьте! — нехотя произнес я.

Но где-то в глубине души копошилась затаенная мысль: «А вдруг это так»...

По выражению моего лица Александр Петрович заключил, что я ему не верю, и настойчиво подчеркнул, что приехал курьер и привез какие-то вести.

— Это я видел своими глазами. О царе слышал только от других. Но... идемте! Ведь нужно же знать, в чем дело! — закончил он.

Я поднялся, и мы направились в управу. Здесь толпилось уже до двух десятков местных обывателей. В управе, куда зашел с бумагами курьер, находились вершители судеб устьянского улуса — писарь и улусный голова. Двери были заложены изнутри. Никого не впускали.

Толпа нетерпеливо заглядывала в окна, толкала двери, ходила вокруг управы, но не решалась требовать, чтобы отворили. Наше появление несколько ободрило обывателей. Все заговорили, что курьер привез, повидимому, какие-то важные известия, и выражали опасения, как бы их не скрыл писарь, пользовавшийся вполне заслуженной репутацией жулика и взяточника.

Александр Петрович быстро вывел всех из затруднительного положения, решительно заявив:

— Идем через заднюю дверь, а если и там заложено, выставим.

Он быстро вторгся в сторожку, затем в сени. А через несколько секунд мы всей гурьбой оказались в помещении самой канцелярии, где находились только курьер, привезший бумаги, голова и писарь. Последний беспомощно сидел посреди комнаты с бумагами в руках, опущенных на колени, и виноватыми глазами скользил по вбежавшей толпе, впереди которой торчала внушительная фигура Александра Петровича.

Минута была знаменательная. Говорил и действовал за всех Александр Петрович.

— Что вы тут хотели скрыть от народа? — сурово обратился он к писарю.

Тот в ответ безмолвно и покорно протянул Александру Петровичу все, что он держал в руках. Александр Петрович трясущимися руками выхватил верхний лист бумаги, тяжело втянул в себя сдавленной грудью воздух и начал читать манифест царя об отречении.

Трудно сказать, что переживал каждый из нас в эту минуту. Трудно даже описать, что происходило в самой комнате.

Все внимание было сосредоточено на Александре Петровиче, читавшем манифест. Но бедному Александру Петровичу, страдавшему сердечной болезнью, не удалось дочитать манифест. На каждом слове он останавливался, вбирал в себя воздух, старался урегулировать дыхание, но все же не мог совладать с собой и со своим сердцем и бледный повалился мне на руки, едва не лишившись чувств.

Тов. Васильев выхватил манифест и стал громогласно продолжать чтение, а я тем временем

усаживал Александра Петровича и старался поддержать в нем, как мне казалось, маленький остаток жизни. Страшно было в такую минуту думать о том, что вокруг нас витает смерть, готовая в любой момент выхватить намеченную жертву. Я знал, насколько физически слаб был Александр Петрович, так много переживший за эти годы каторги и ссылки, и мне хотелось в эту минуту только одного, — чтобы он как-нибудь да перешагнул через опасность смерти, а там уж мы все вместе встретим новую жизнь и полной грудью вдохнем в себя свободный воздух родных полей и лесов.

Я сам переживал такое состояние, как будто тяжелый камень навалился на грудь, сдавил сердце и мешал вырваться оттуда какой-то большой беспредельной радости.

Александр Петрович приходил в себя, начинал ровнее дышать, но на лице все еще лежала мертвенная бледность. А чтение манифеста открывало перед нами все новые и новые перспективы. Отрекся Николай за себя и тут же за сына; власть еще за Михаилом, но вот и его манифест — отрекается и передает власть новому правительству, которое обязано созвать Учредительное собрание, на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

В эпохи революций история уходит вперед гигантскими, семимильными шагами. В один год, даже в месяц люди переживают столетия, делаются намного старше и опытнее, духовно перерождаются. На этом пути головокружительного продвижения вперед далеко позади остаются прежние намерения и цели, прежние идеалы; повергаются в прах старые кумиры, поднимаются и скоро падают новые; быстро, словно перед мчащимся поездом,

открываются все новые и новые перспективы, развертывается бесконечный свиток сменяющих друг друга исторических событий. Недаром наш учитель Карл Маркс говорил, что революции — это локомотивы истории.

Всего несколько дней прошло после описываемых здесь событий, как революция устами своего гения — Ленина — уже сказала новое слово: «вся власть Советам».

А еще через несколько месяцев запоздавшее своим появлением на свет Учредительное собрание позорно бежало от революции. И сама политическая идея учредилки осталась лишь в тупых головах, а полинявшее знамя ее было поднято из грязи руками вековечных душителей народа.

Но тогда... Нужно забыть десять лет революции, потрясшей весь мир, и унестись в далекое прошлое, чтобы понять, что значило тогда для нас Учредительное собрание, и какое впечатление могло произвести на нас в описанной обстановке официальное решение созыва Учредительного собрания революционной властью. Теперь как-то даже неловко говорить об этом; но «из песни слова не выкинешь», и в истории «всякому овощу бывает свое время».

Толпа устьянцев, заполнившая все помещение и тянувшаяся через сторожку на улицу, стояла подавленная неожиданно свалившимися известиями о том, что теперь царя нет.

За манифестом следовало об'явление всем политическим полной амнистии. А там—еще ряд и других официальных предписаний, постановлений, но уже от имени местной якутской областной власти.

Смысл и содержание происходящей за много тысяч верст от нас революции теперь становились все яснее и понятнее. Во главе якутской власти стоят партийные товарищи из якутской ссылки. На бумагах подписи Григория Ивановича Петровского, Серго Орджоникидзе, Ем. Ярославского.

— Все наши!...—невольно вырывается у меня.

Старому начальству предписывалось оставаться впредь до новых распоряжений на местах и всецело подчиниться новой власти, выполнять беспрекословно все ее веления под страхом ответственности перед революционным народом.

Какими глазами смотрели на нас в это время бедные устьянцы!.. В особенности пораженными почувствовали себя голова и писарь. Что осталось от их былого величия и неограниченной власти? Что они теперь без царя и министров? Теперь уже нельзя будет творить свою волю, как можно было всего несколько минут назад. Почва уплывала из-под их ног. А тут еще эти политики! Теперь они— фактическая власть.

Александр Петрович понемногу пришел в себя, смог подняться и принять участие в нашем общем ознакомлении с бумагами.

— Что это вы, — обратился он к писарю, когда все бумаги уже были прочитаны,—не думали ли спрятать манифест, закрывшись тут на крючок?

Писарь не проронил ни одного слова.

— Не вздумайте что-нибуь уничтожать из ваших управских бумаг и дел, чтобы скрыть какие-нибудь ваши делишки!—угрожающе долбил в мозги писарю Александр Петрович. — Все равно не уйдете, хуже будет...

— А что мне теперь делать? неожиданно обратился к нам сам голова, почувствовавший, что власть выпала из его рук.

Когда мы выходили из управы на улицу, кто-то сказал все еще прикованному к своему креслу писарю:

— Царя-то теперь со стенки можно и убрать...

Так в несколько минут была пережита целая эпоха, одна из тех эпох, которые навеки оставляют свой след в истории, — эпоха революции.

Не слишком ли это много для слабого человеческого сердца? Нужно было сдерживать себя, отвлекать мысли от своих внутренних переживаний, от того, как неровно колотится сердце, как подступают к горлу ненужные слезы, стараться не думать о том огромном в жизни, что только теперь, после длинного ряда лет тяжелых испытаний, открывается перед нами вместе со всей страной, если не с целым миром.

Странно — мы не могли оставаться на людях, в этой жалкой толпе обывателей, которым манифест и предписания принесли лишь новые темы для разговоров, но в жизни которых все оставалось попрежнему... Мы с Александром Петровичем вышли из управы, спустились с кручи от Устьянска и медленно потянулись вдоль еще крепко скованной льдами красавицы Яны. Был яркий-яркий предвесенний день.

Солнце радостно приветствовало нашу свободу.

Свободу! Еще вчера, еще сегодня утром, даже несколько минут назад мы были лишенными всех прав ссыльно-каторжными, которых любое местное начальство имело право безнаказанно унижать всеми способами, вплоть до порки, согласно положению о ссыльных. А сейчас мы го-

раздо больше, чем возвращенные «в первобытное состояние», т.-е. получившие прежние наши права, — мы свободные граждане свободной России. Перед нами такая широкая и славная дорога! От одной мысли об этом можно захлебнуться.

IV. ПО-НОВОМУ.

Вся жизнь устьянских обывателей была перевернута вверх дном. Торговля замерла. Но пустота в жизни теперь была заполнена, — было о чем говорить. Только теперь уж нельзя было ограничиваться судами-пересудами о том, что произошло. Все почувствовали, что произошло нечто настолько огромное и важное, настолько сложное и малопонятное, что своими мозгами всего не переваришь... Нужно куда-то, к кому-то пойти, расспросить, понять.

Со следующего дня моя квартира превратилась в какой-то странный постоялый двор, куда с раннего утра и чуть не круглые сутки приходили устьянцы, якуты и немногие проживавшие там русские купцы, приказчики, служащие и чернорабочие. Они устраивались вокруг стен и даже на полу посредине угрюмо сосали свои трубки, плевали и вели непрерывные беседы обо всем том, что особенно интересовало практических людей дикого севера.

То я, то Александр Петрович долбили им о том, что такое республика, Учредительное собрание, всеобщее, равное, прямое голосование и т. д. Все это стало жгучим вопросом дня. Если прежде устьянец довольно просто и легко, без особого напряжения ума понимал политическую жизнь, как она есть или как она ему представлялась — с царем, с Распутиным, с войной, с Пуришкевичем, с доро-

говизной, то теперь все, в силу своей необычайности новизны и большой сложности, стало вдруг совершенно непонятным, даже страшным.

Сведения о революции, об отречении царя и устранении старой власти, как по телеграфу, разлетались по всему побережью океана. В сердца людей, сжившихся с вековым укладом, эти вести вселяли тревогу. Наиболее состоятельные и богатые оленеводы тряслись за свои кубышки. Как сейчас помню, приехал к нам якут, богатый человек. Одних оленей у него водилось больше тысячи голов, да звероловством он выколачивал большие деньги. Он выспрашивал:

— Пойдут ли теперь старые деньги? Могут ли у меня отнять оленей?

На другой день после об'явления манифеста кто-то подал мысль устроить собрание граждан Устьянска, чтобы все интересующиеся новыми событиями в России могли получить правильное представление о них. Нечего и говорить, что мысль эта была немедленно подхвачена. Достаточно было буквально пяти минут, чтобы весь Устьянск узнал о предполагающемся митинге. На маленькую площадь возле церкви, где было назначено собрание, потянулись из всех изб и избушек обыватели, — и стар и мал, и богач и бедняк,—послушать, что будут говорить «государственные».

— Ведь теперь их власть...

Ораторы взбирались на сваленные в снег повозки и бочки и оттуда говорили, в двух местах по два человека: один по-русски, другой по-якутски. Полярный обыватель решил на время позабыть о своих злобах дня и приобщиться, хоть мысленно, к великим непонятным событиям, происходящим далеко-далеко, за тридевять земель.

И нужно было пойти навстречу этому желанию, тем более, что и мы сами впервые за последние двенадцать лет получили случай открыто высказать перед кем угодно наши священные заветы.

И странным казался в этот день Устьянск. Впервые тундра слышала громкие политические речи. Впервые местные обыватели открыто сошлись с «государственными»—не за общим столом и пустыми разговорами, а за политической беседой, раскрывающей смысл новой общественной жизни, новой истории человечества.

В тот же день было сорганизовано нечто вроде общественного комитета порядка. Порядок стали наводить с устранения самого коренного зла севера — пьянства и спаивания отсталого в культурном отношении местного охотничьего населения.

Самогон и спирт в жизни севера играли самую важную роль. С помощью их, отравляя сознание населения, купцы держали в кабале всех якутов и тунгусов, надувая их, за бесценок забирая дорогие меха песцов и лисиц. Падкие до алкоголя полудикари жили в ужасных условиях. Алкоголь подрывал их здоровье, помогал развитию многих болезней.

Продажа спирта и самогона была запрещена,— но только на бумаге. А спаивание и отравление охотников алкоголем шло в открытую. В самом Устьянске целый год работал самогонный завод, поставленный Браиловским, который, как потом оказалось, был агентом царской охранки. До переворота Браиловский как-то еще скрывал свою деятельность, а теперь открыто стал гнать водку и зазывать к себе любителей покутить. Пошли попойки, шум, драки. На предложение головы пре-

кратить безобразие Браиловский, выдавая себя за политического, заявил:

— Власть теперь моя, что хочу, то и творю!

Кое-кто из местных заправил, хотя и не менее других падких до «крепкого», но чутьем понявших потребности нового момента, предложил немедленно закрыть «завод» Браиловского. Нам это было особенно на-руку: нужно же было покончить с этим безобразием, кто бы его ни учинял — Браиловский или кто другой; нужно было также дать всем почувствовать силу и значение нового порядка.

И вот группа человек в шесть-семь, куда входили и мы с Александром Петровичем, изображая новую общественную власть, направилась к маленькой избенке, где помещался вместе со своим «заводом» Браиловский. Нас встретил сам хозяин; мы попросили его показать «завод», что и было им выполнено с какой-то опаской.

Браиловский ввел нас в заднюю часть помещения, где находились все приспособления — и чаны, и трубы, и котлы, и банки, и еще какие-то вещи. Все это валялось в беспорядке, было загрязнено глиной; пахло бардой и еще чем-то. Когда мы заявили Браиловскому, что пришли к нему с приказом прекратить гонку водки, он поспешил ответить, что и так прекратил это.

Все же мы потребовали на наших глазах испортить все оборудование. Браиловский принес из соседней комнаты топор и тут же разбил посуду, выдрал самогонные трубки, изрубил их и смял, превратив в негодное к употреблению состояние.

— Все равно, мне теперь все это не нужно, — заключил, скрепя сердце, Браиловский.

Наведя у Браиловского революционный порядок, мы не только получили удовлетворение от достижения цели, но также ощутили в своих руках настоящую народную власть и решили действовать в этом же направлении дальше.

В Устьянске постоянно проживала некая Сучкова, занимавшаяся поставкой для всего крайнего севера спиртных напитков. Работа ее проходила при дружной поддержке купцов и с молчаливого согласия местного и окружного начальства. Нам сообщили, что Сучкова не сегодня-завтра получает транспорт спирта из Якутска, и мы решили в составе той же общественной группы направиться к Сучковой.

Здесь мы оказались в менее выгодных для нашей миссии условиях. Сучкова, делая вид, что не понимает цели нашего посещения, встретила нас с любезностью обрадованной приятным посещением дорогих гостей хозяйки и провела в столовую, просила сесть и предложила даже закусить. Когда же ей в неловких выражениях было высказано, в чем дело, она торопливо стала уверять, что давно не занимается этим делом, что теперь не такие времена. Сконфуженные неудачей, но уверенные в том, что Сучкова теперь на-время воздержится от спаивания якутов, мы отправились домой.

На другой день, вечером, к Сучковой приехал ее спиртовоз, ссыльный солдат, и привез ей несколько ведер чистого спирта, разлитого в четвертные бутыли. Устьянские верховоды, в прежние дни сами нередко навещавшие сучковский кабачок, почувствовав, что теперь «не те времена», явились в ограду к Сучковой и разбили привезенные бутыли.

Вероятно, потом они немало сожалели об этих своих «революционных порядках».

V. СТАРОЕ НАЧАЛЬСТВО РАСТЕРЯЛОСЬ.

Революция убила старую власть. На наших глазах местная администрация — тот же писарь и голова — превратились из повелителей в жалких и беспомощных трусов. Голова чувствовал на себе какую-то ответственность перед новой властью, но ничего не понимал и не знал, правомочен ли он распоряжаться.

Раньше им «крутил» писарь. Но он теперь в глазах головы утратил всякое значение. И голова шел к нам за советами. То он спрашивал, как быть с налогами, с прежними предписаниями начальства; то о том, не следует ли назначить новые выборы. На все это мы давали ему свои советы.

Более высокая власть — заседатель, мировой судья и исправник — жили далеко от нас: заседатель и судья в пятистах верстах, а исправник и того дальше.

Прошло не больше четырех дней, как мы узнаем, что к управе под'ехал из Булуна недавно назначенный мировой судья Паисий Атласов. Всего недели за две до того он проезжал на службу в Булун и «подговаривался к подаркам» — у кого просил лисицу, у кого песца и т. п. Старый якутский мелкий чиновник, Атласов, наконец, добился у старой власти назначения на важный пост в самую щедрую на взятки местность, очень богатую ценнейшей пушниной, и лелеял, видимо, мысль обеспечить себе безбедную старость. Судьба сулила, однако, иное.

Неожиданно скорый возврат Паисия Атласова, видимо, все еще считавшего себя мировым судьей, очень встревожил и нас, и местных обывателей, как будто начинавших сживаться с мыслью, что старой власти и ее агентов уже не существует.

Нужно было принять меры к защите революции и новой власти.

В сопровождении любопытных устьянцев мы отправились к дому одного из местных богачей, где остановился судья. Мы намерены были заявить ему, что если он явился сюда в качестве судьи по служебным делам, то пусть знает, что он уже не является властью, что никаких распоряжений его здесь принимать не будут, и что если он будет сопротивляться, мы его арестуем и доставим в Якутск.

Но в действительности дело было проще. Паисий, видимо, страшно перепугался, когда заметил толпу людей, окружившую дом, где он находился. Он встретил нас любезным приветствием и предусмотрительным замечанием, что мы, очевидно, не совсем правильно истолковали его приезд. Тем не менее наши заявления были ему сделаны целиком, на что он ответил желанием сегодня же покинуть Устьянск.

— Оленей вам для поездки не дадут, вы должны будете их нанять,—сказали мы ему, уходя. Бедный старик вынужден был и на это согласиться.

Только поздно вечером, когда перепуганный Паисий уехал назад в Булун, мы узнали, зачем он приезжал сюда.

Несчастный, по привычке прежнего чиновника, не делавшего различия между своим карманом и казенными деньгами, успел в течение какого-нибудь одного-двух месяцев службы в новой должности растратить из отпущенных под отчет сумм около пятисот рублей. Узнав о перевороте и ожидая смещения и отчета, он не знал, как вернуть растрату. И, не дожидаясь этого ужасного времени, он покатил в Устьянск, где рассчитывал у кого-

нибудь из знакомых купцов перехватить на время эту огромную сумму.

История с Паисием оставила в нас какой-то неприятный осадок. Правда, мы беспокоились за революцию,—но беспокоились напрасно: у старого порядка оставались только такие защитники, как Паисий; революция же катилась и здесь, на краю севера, победоносной волной смывая с постов представителей старой власти.

Верхоянский исправник Рындин, пользовавшийся заслуженной ненавистью всего населения, спокойно раз'езжал в это время по своей округе. В Верхоянске уже сложилась новая власть — «Комитет Общественного Спасения». Последний послал казака-курьера разыскать исправника и об'явить ему об отставке. Курьер настиг исправника в каком-то зимовье, какие устраиваются по тундренным местам для ночевки проезжающих. Верхоянский исправник сидел в это время за чаем. Казак решительно подошел к нему, сорвал с его плеч погоны и бросил их на пол.

— А теперь извольте прочесть вот это! — сказал он и подал окончательно растерявшемуся Рындину приказ об устранении его от должности.

Старые чиновники, державшие край в своих руках теперь, как крысы на тонущем корабле, заметались во все стороны, ища спасения.

VI. ПЕРВЫЙ МИТИНГ В ВЕРХОЯНСКЕ.

Через несколько дней мы отправились в дорогу. День и ночь олени мчали нас к югу.

В первый день пасхи мы были в Верхоянске.

Впервые за эти дни нашего томительного пути из Устьянска мы оказались в чистенькой, хорошо убранной мещанской квартирке. Наскоро приведя

себя в порядок и закусив, мы поспешили в почтовое отделение, так как имели все основания полагать, что в наш адрес в Устьянск еще тянутся по почте письма и газеты. Ведь мы не имели еще никаких сведений, кроме полученных в Устьянске официальных бумаг о совершившемся перевороте, об укреплении нового порядка, о войне и проч. Все это было для нас настолько жизненно важным, что никакая пасха не могла удержать нас от желания сейчас же получить почту. Почтовые чиновники, узнав уже о приезде из Устьянска амнистированных, любезно согласились осмотреть шедшую в Устьянск почту и выдать адресованную нам корреспонденцию. Таким образом, мы получили и письма и газеты.

Все было заполнено сообщениями о происходящей революции и в частности о том, что творится в Якутске. Помнится, что все мы были прямо ошеломлены тем огромным материалом, который принесли нам газеты чуть ли не за месяц революции. Все было необычайно ярко, красочно, могуче. Чувствовалась великая мощь широко развернувшейся революции. Вырисовывались уже кое-какие новые формы жизни.

Старое падало, новое подымалось. И теперь еще не находишь достаточно слов, чтобы выразить тогдашнее душевное состояние.

При одной мысли о том, что там в России, на родных полях, в городах и селах—повсюду творится сейчас какая-то новая великая жизнь и что мы, свободные граждане, можем к ней приобщиться, так и подмывало немедленно сняться с места, отрешиться от всего и вольной птицей умчаться к солнцу, к людям, и с головой кинуться в водоворот революции...

«Комитет Общественной Безопасности» предложил нам задержаться на денек, чтобы устроить митинг верхоянских граждан.

— Мы, вот, тут читаем, — говорили нам, — газеты, приходящие из Якутска, стараемся понять все, а кто его знает, так ли понимаем-то... Получаем декреты и распоряжения власти, а большей частью и не знаем, так ли надо их исполнять, да и вообще, что делать самим-то здесь, за тысячи верст от центра! Все только и живут этими событиями, а понять их и раз'яснить некому.

Решено было вечером того же дня собрать верхоянских граждан на митинг.

Митинг был устроен в помещении школы и собрал очень большое для Верхоянска количество граждан, добрая половина которых не знала русского языка, а другая трудно в нем разбиралась. Это был первый лишь митинг в Верхоянске. До нашего приезда некому было побеседовать с интересующимися гражданами по поводу происходящей революции, некому было ответить на волнующие всех вопросы политического дня.

Речи произносились на русском языке. Но так как его не все понимали, то приходилось повторять целиком по-якутски.

Первым говорил Александр Петрович. Его задача заключалась в популярном об'яснении того, что такое республика, Учредительное собрание, всеобщее, равное, прямое и тайное голосование и пр.

А за ним уже я должен был выяснить слушателям, какое значение имеет революция, к чему она ведет и т. п. Я помню, как живо реагировала даже эта, обычно мало подвижная, угрюмая публика на наши слова об устранении бюрократии и особенно — о допущении женщин к общественным делам.

Видно было, что верхоянцы в первый раз в жизни собрались в такой массе и получили возможность и слушать, и говорить о политических делах. Нас буквально забрасывали после каждой речи вопросами. Много интересовались земством без чиновников и т. п., и все это обсуждалось с практической стороны — применительно к верхоянским условиям.

Сам митинг, как большое сборище вольных, никого и ничего не боящихся людей, и все, что говорилось на нем, производили сильное впечатление на обывателей. Не только у рядовой, местной серой массы, но даже у ее авторитетов, вроде местной интеллигенции, впервые открывались глаза на то, что происходит в России.

Никогда не забуду случайно услышанного мною в коридоре во время перерыва разговора по поводу сказанного на митинге.

— Удивительно, я никогда ничего подобного не слыхал! Все эти «Учредительные», «всеобщие», прочее. Как-то живешь и об этом даже не думаешь. А тут вот оказывается — это имеет целый смысл...

Говорил заведующий местным городским училищем, учитель, не из местных, русский, назначенный сюда откуда-то издалека. Что могли давать эти интеллигенты местному населению?

Митинг закончился поздно вечером. Расходились по городу кучки возбужденных, громко говоривших людей. Под ногами хрустели тонкие льдинки и подтаявший снег. Было темно.

И тьма казалась еще глубже от ярко блестевших над головою звезд.

VII. ПУТЬ К СОЛНЦУ.

Дорога была мучительно тяжела даже для меня, из'ездившего по тундре в ту зиму не одну тысячу верст.

Особенно страдал Александр Петрович, нуждавшийся и в нормальной обстановке, и в диэте.

Ехали мы дни и ночи. На каждой станции, как только привезший нас ямщик сообщал о том, кто мы и почему мы едем, недоверчивые якуты, неохотно дающие своих оленей проезжающим, да еще без уплаты денег, старались всеми силами оказать нам внимание и услуги.

Расскажу здесь несколько любопытных случаев, очень характерных для тогдашних настроений местных инородцев, по жильям которых пролегал наш путь.

О революции уже знали по всему пути и стар, и млад.

Где-то в пути нас догнали уезжавшие с севера в Якутск поп и доверенный одной фирмы. Некоторое время они ехали вместе с нами. Оленей мы все получали беспрепятственно. Но вот на одной из станций вдруг оказывается, что оленей нет, что они пасутся где-то за десятки верст, что за ними далеко итти и что придется всем нам здесь переночевать. Положение становилось не из приятных.

Тогда наш возчик отозвал молодого парня-якута, державшего станцию, во двор и там, видимо, об'яснил ему, кто мы и кто с нами. Через две-три минуты олени оказались неподалеку, — но только в количестве, достаточном лишь для нас, амнистированных.

Что особенно поразило всех нас, это откуда-то пойманное парнем обращение к нам по-русски

«товарищ». Мы сами тогда еще не обращались так друг к другу, а посторонних просто называли «гражданами».

— Пусть «товарищи» едут, — заявил парень после разговора с привезшим нас якутом, — а поп да купец могут поспать. Будет, уж поездили они на нас, — неожиданно для всех заключил якут свое решение.

Для тех, кто незнаком с бытом жителей крайнего севера, кто не знает, как угнетало их купечество, чиновничество и даже поп и учитель, тот не понял бы всей важности и глубины сделанного парнем замечания. Для нас же это было весьма понятно. Понятно было и то, что только революция могла развязать язык какого-нибудь «хамначыта» (пролетария) или бедняка, который начинал чувствовать, вернее предчувствовать, крупную перемену именно во взаимоотношениях угнетателей и угнетенных и становился значительно смелее. Через какие-нибудь полчаса олени были для нас запряжены, и мы, распростившись с опечаленными спутниками, снова поехали дальше.

Помню еще такой случай. Мы ехали уже без попутчиков. Не доезжая какой-то станции, уже в верхоянских тополевых лесах, наш возница перепрег оленей, обменявшись с каким-то встречным, который потом и довез нас до станции. Но когда мы остановились возле якутского балагана, изображавшего станцию, оказалось, что и оленей нет, и ехать некому. Налицо, правда, были пожилой якут и старик. да очень пожилая седая якутка. Сколько мы ни упрашивали самого хозяина, пожилого якута,— все было напрасно.

— Таба сох. Оленя нет. Олень далеко. Завтра надо ловить, — твердил якут, и чувствовалось, что

это делается по обычной неподатливости, нежеланию покидать теплый очаг и ехать ночью, хотя и лунной. Привезший же нас якут не об'яснил ему, кто мы, так как ему не было передано об этом. Положение становилось серьезным. Наступала оттепель, падал мягкий мокрый снег; не сегодня-завтра поползет по горам снег, вскроются горные реки, подтает на озерах лед, и мы застрянем где-нибудь в горах. Нужно было спешить. Долго мы уговаривали якута. Поддерживаемый якуткой-старухой, он не сдавался. Наконец, одна фраза выдала его с головой.

Без платы-то как же! Раз купцы, должны платить.

Все для нас стало ясно. Тогда Александр Петрович достал из сумки большой, врученный нам в Устьянске конверт с документами, на котором была сургучная печать с гусиным пером, и об'яснил якуту:

— Мы не купцы, а государственные. Вот, «сурук», видишь печать? Мы едем домой. Ты помогал старому правительству нас везти сюда, к морю; теперь слушай новое правительство, вывози нас отсюда. Мы едем даром, не платим. Заплатит правительство.

Якут понял. Оживился. Олени очутились неподалеку, и он сразу отправился их ловить и впрягать. Старая якутка сделалась сразу любезной. Подбросила на очаг дровец и поставила в пылающий огонь медный чайник с водой, решив напоить нас чаем. Чай мы пили все вместе, оживленно, весело. Старуха принесла даже из другой половины балагана своего годовалого ребенка — толстого, румяного светлорусого мальченка.

— Видишь, мне больше пятидесяти лет, а я вот какого парня родила!

Прямо не верилось. Много шутили, смеялись, говорили о царе и царице. Торопливо выпив чай, собрались и в глубоких сумерках двинулись в путь.

Так мы день за днем приближались к солнцу, к весне, к свободе.

Дыхание революции сказывалось все чаще и чаще, о ней говорили многие внешние знаки. В зимовьюшках для проезжающих по стенкам кто-то уже чертил карандашом революционные лозунги.

«Долой Рындина!» (это—бывший исправник.)

«Довольно, теперь прошла ваша пора, кровопийцы!..»

«Да здравствует бабушка русской революции!»

Очевидно, сюда донесся уже один из возгласов, которыми тогда приветствовали «бабушку русской революции» Е. Н. Брешко-Брешковскую.

От Верхоянска до Якутска — более тысячи верст. Нас пугал Аян, который мог подтаять и не пропустить нас. Мы спешили. И где-то среди гор попали в «наледь». Олени, нарты и повозки стали тонуть. Сами мы бросились к видневшимся неподалеку берегам, то-и-дело проваливаясь сквозь замерзший за ночь поверх скопившейся воды лед. Я первый добрался до береговой кручи и в тот самый момент, когда готов был сделать последний шаг на сушу, провалился под лед почти до плеч. К счастью, надетый на мне якутский сукуй (это—одежда из оленьих шкур) задрался кверху и задержал дальнейшее движение под лед. Весь мокрый я выкарабкался на берег и зарылся в глубокий сугроб снега на откосе, спасая себя от резкого и холодного ветра. На моих глазах, пробираясь к другому берегу, барахтался Александр Петрович, а за ним Васильев. А якут-возница бродил по воде и помогал вылезать оленям с возками. В результате

два оленя всё же погибли, остальные еле-еле вылезли. Имущество наше подмокло, якут изрезал себе льдом ноги, износив за это время свои и мои оленьи торбаза. Выбравшись на берег, мы развели огромный костер, чтобы отогреть возницу — и быстро покатили далее к станции, находившейся от нас верстах в 20. Якут-возница сильно обморозил пальцы ног. Я отделался отчаянно потрепавшей меня лихорадкой, — а спутники мои перенесли купанье довольно легко.

Ничего! мы жили будущим, и на пути к нему можно было перенести многое в настоящем.

17 апреля (по ст. ст.) поздно вечером мы приехали в Якутск.

Назавтра мы праздновали впервые так ярко, свободно и радостно международный праздник труда — первое мая.

Цена 12 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

1) Правление и склад Издательства Политкаторжан Москва, 34, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазин Издательства Политкаторжан „МАЯК"— Москва-Центр, Петровка, 7, тел. 4-18-12 и 3-63-20.